

*В.М.Межуев,
доктор философских наук,
Институт философии РАН*

Традиция самовластия в современной России

Все политические режимы в России, сменявшие друг друга за последние три столетия, имели одну особенность — они были как бы ни на что не похожи, не имели прямого аналога в истории других стран. Монархия — но не та, что в Европе, не абсолютная, не конституционная, а какая-то, что ли, слишком самодержавная. Большевизм, положивший начало тоталитарным режимам нашего столетия, отличался от них повышенной жестокостью к собственному населению. И даже власть Президента нынешней России, считающей себя демократической, в чем-то превосходит по своим полномочиям власть царей и коммунистических вождей.

Политологи соревнуются между собой в поисках термина, способного выразить суть нынешнего режима: его называют "выборной монархией", "демократурой", "управляемой демократией", т.е. тем, что пока не имеет названия в современном политическом словаре. Власть в нынешней России, при всем ее отличии от монархической и большевистской, обладает чертами удивительного сходства с последними. История, разумеется, не знает прямых повторений, но наличие сходства указывает на какую-то присущую нам политическую традицию, которая, даже предстая в разных формах — от монархии до республики, искажает их до такой степени, что для их обозначения требуются новые слова и понятия.

В русском языке есть, пожалуй, слово, способное служить наименованием этой традиции, это — *самовластие*, семантически близкое к понятию "авторитаризм", но с более понятным для нас русским оттенком. Это лишь иное название русской власти, загадку которой пытается постичь не одно поколение исследователей русской истории. Видимо, неправильно искать причину самовластия в повышенном властолюбии наших политиков и правителей. Властолюбцев в политике всегда хватало, и они представляют довольно частое явление в истории любой страны. Не надо искать эту причину и в якобы рабской покорности русского народа, его генетическом сервиллизме. Народ как народ — не хуже и не лучше других. Никакой народ не согласится добровольно сносить произвол властей. Терпение не надо принимать за согласие. Оно вызвано часто бессилием что-либо изменить, неверием в возможность такого изменения или незнанием, как это нужно делать, но не врожденной любовью к рабству. На народ как причину самовластия ссылаются обычно те, кто больше всех эту власть и боится. И тем не менее самовластие стало у нас политической традицией, смысл и причина которой нуждаются в объяснении.

Самовластие не следует отождествлять с самодурством, капризом, произволом лиц, наделенных высшей властью, с тем, что обычно называется злоупотреблением властью (хотя последние часто и сопутствует ему). Оно не обязательно принимает форму личного тиранства и губительного для всех террора. Крайних проявлений самовластия может и не быть, но оно способно сохраняться в виде постоянно действующего института, узаконенной нормы в системе власти (например, шестая статья брежневской Конституции или статьи нынешней, узаконившие президентскую форму правления). Самовластие — синоним не беззакония, а власти, наделенной по закону практически неограниченными полномочиями. Власть наших царей и вождей была вполне законной в рамках действующего в то время права — наследственного или революционного. Иное дело, что право это было недемократическим, не признавало и не допускало в государстве никакой другой политической воли, кроме воли властвующего лица или элиты, наделяя ее полномочиями, немислимыми ни в одной монархии Европы, даже абсолютистской. Людовик XIV мог сказать: "Государство — это я", понимая при этом, что помимо государства существует еще и общество с особыми правами знати, городских общин, монастырей, университетов, местного самоуправления и пр. В России же за пределами власти нет никакого общества, а есть только народ — безлика, однородная и безгласная этническая или конфессиональная (православный народ) общность. Власть в России самоопределялась по отношению не к обществу, а к народу (власть — субъект, народ — объект), что и придавало ей не столько политический, сколько патримониальный характер.

Народ и общество в России — взаимоисключающие понятия. Еще в XIX в. под обществом понималось либо "высшее общество", либо "тайное общество". Народ в массе своей, преимущественно крестьянской, из общества исключался. Он жил не общественной, а общинной жизнью, которая в масштабе страны скреплялась государством, возвышающейся над всеми верховной властью. Самодержавие, первая форма русского самовластия, не исключало, а предполагало народность — специфическую форму национального единства, базирующуюся на единстве веры и власти. Самодержец в России — это не тиран или деспот, силой навязавший свою власть обществу, а первое лицо государства, поставленное Богом над всеми ради их "общей пользы" или "общего блага".

Правда, уже в Петровскую эпоху идея божественного происхождения царской власти дополняется идеей договора между царем и народом, согласно которому царь обязан служить народу, заботиться о его благополучии, нравственном здоровье и внешней безопасности. Феофан Прокопович — главный идеолог Петровских реформ — обосновывает такую обязанность уже не ссылаясь на Священное Писание, а "естественным законом". По словам Ю.М.Лотмана: «...идея договорного происхождения власти связывалась с представлением о службе, которую несет царь, и о народе, как о том, кому служат. Из этого вытекала идея "общенародия" — идеального национального единства, отождествлявшегося с единством принадлежности к одному государству»¹.

Идея царского служения не отменяла идею божественного происхождения царской власти, а дополняла ее. Последняя «подразумевает... отсутствие каких-либо договорных обязательств между властью и народом. Отношения между ними строятся не на формально-договорной, а на "семейной основе" и регулируются не законом, а "любовью»². И в облике монарха, поставленного законом на службу народа (договорная теория), и в облике земного божества, "царя-батюшки", "отца родного", отечески пекущегося о "детях малых", т.е. подданных, царь остается единственным источником власти, высшей инстанцией в законотворческой деятельности. "Все политические доктрины той поры исходят из того, что верховная власть существует для пользы подданных. Даже для теоретиков крайнего деспотизма это положение представляется неизблемым"³. Симбиоз "любви" и "служения" составляет своеобразие русского самодержавия, отличающее его и от традиционной "восточной деспотии", и от европейских монархий. Закон, воплощающий в себе идею договора, при всем внешнем и показном пиетете к нему, так

¹ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX веков // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 49.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 50.

и не стал антитезой безграничной власти, что и понятно, если учесть, что народ был представлен в этом договоре как единая коллективная общность, а не как общество с его разнонаправленными интересами. Договор этот камуфлировал российское государство под видимость европейской, "просвещенной", монархии, оставляя в неприкосновенности институт самодержавия.

Ссылка на закон, несомненно, заключала в себе элемент секуляризации власти, позволявшей ей по-новому строить свои взаимоотношения с Церковью. Возможно, именно здесь кроется главный секрет российского самовластия. Начатый Петром процесс "государственной секуляризации" имел у нас свою специфику: Церковь была не отделена от государства в качестве высшей и стоящей над ним инстанции, а подчинена ему. Вот как описывает этот процесс русский религиозный историк Г.Флоровский: «Изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. И во имя этого первенства и суверенитета не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя, ввести и включить ее в состав и в связь государственного строя и порядка. Государство отрицает независимость церковных прав и полномочий, и самая мысль о церковной независимости объявляется и обзывается "папизмом". Государство утверждает себя самое как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности и творчества. Все должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь. У Церкви не остается и не отставляется самостоятельного и независимого круга дел, ибо государство все дела считает своими. И всего менее у Церкви остается власть, ибо государство чувствует и считает себя абсолютным. Именно в этом вбирании всего в себя государственной властью и состоит замысел того "полицейского государства", которое заводит и утверждает в России Петр...»¹

"Единый, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий... всякого законодательства... всякой деятельности и творчества" — вот формула русского самовластия. Государство берет на себя функцию Церкви — не в смысле исполнения религиозных обрядов, но в смысле духовного, нравственного водительства народом, обеспечения его не только внешнего, но и внутреннего благополучия. "Полицейское государство", задуманное Петром, по словам Г.Флоровского, «не столько внешняя, сколько внутренняя реальность. Не столько строй, сколько стиль жизни. Не столько политическая теория, сколько религиозная установка. "Полицейзм" есть *замысел* построить и "регулярно сочинить" всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной и ради "общей поль-

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 83.

зы" или "общего блага". "Полицейский" пафос есть пафос учредительный и попечительный... В таком попечительном вдохновении "полицейское государство" неизбежно оборачивается против Церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от Церкви, отбирает на себя, берет на себя ее собственные задачи. Берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа»¹. А говорят, что такое государство придумали коммунисты.

Перенесение на государство функций Церкви, когда оно "берет на себя ее собственные задачи", отводя ей роль своего рода "духовного департамента" при государстве, ответственного за общение с небом, но не с народом, многое объясняет в природе русской власти — вплоть до наших дней. Это власть не ради власти, не власть, движимая иррациональным стремлением к расширению своего господства, устраняющая в силу своей "метафизичности" всех конкурентов от боярства и дворянства до крестьянства, а власть ради "высокой духовности" и морали, ради всеобщего благочестия, ради "нового человека", свободного от грехов и пережитков прошлого. В этом ее внутреннее самооправдание и самообоснование. Но сохраняя светский характер, она утверждает свою духовную миссию доступными ей средствами государственной власти, сочетая мораль с принуждением, духовность с покорностью. Иными словами, это власть, предписывающая моральные цели без политической свободы, исключая вообще какую-либо свободу выбора. Секрет этой власти — в ее отношении к народу как к неразумному ребенку, как к объекту не только угнетения и эксплуатации, но и постоянной "отеческой опеки" ради сохранения его моральной чистоты и детской невинности. Народом умиляются, но и строго наказывают, когда он ведет себя не так как надо. И разве можно этому "ребенку малому", "несмышленьшу" предоставить полную свободу? Демократия для такой власти — синоним политической свободы без морали, источник нравственной распушенности и моральной порчи. Свою неприязнь к демократическим институтам — конституционализму, парламентаризму, всеобщему избирательному праву, многопартийности, свободе прессы и пр. — идеологи самодержавия обосновывали не любовью к деспотизму и тирании (то и другое они приписывали как раз демократии — тирании большинства), а соображениями сугубо морального порядка, убеждением в том, что только власть монарха может духовно сплотить народ, защитить его веру и нравственность.

В таком качестве власть в России и становится объектом чуть ли не религиозного поклонения, носителем высшей мудрости и всезнания. При большевиках она уподобляется самой Церкви — правда, церкви без Бога, но со своим "священным писанием" (марксизмом-ленинизмом), "святыми" и "мучениками" (пламенными рево-

¹ Флоровский Г. Указ. соч. С. 83.

люционерами), "отцами-основателями" (вождями партии), "еретиками" и "раскольниками" (оппозиционерами всех мастей), "священнослужителями" (коммунистами) и "мирянами" (беспартийными). Бога упразднили, а организацию сохранили, приспособив ее для нужд власти. На место Бога поставили земных богов, поклонение которым стало официальным государственным культом. Таков итог "секуляризации по-русски". В отличие от европейской секуляризации, отделившей государство от Церкви и придавшей ему светский характер, наша закончилась воцерковлением государства, взявшего на себя одновременно социально организующую и духовно спасающую функции.

Можно по-разному определять суть самовластия. На языке политической теории она заключается в отрицании, неприятии *принципа разделения власти* — как между ее ветвями, так и между центром и регионами. Делиться властью в России никогда не любили. Единая и неделимая Россия — только иное выражение скрепляющей ее вертикали власти, которая всегда служила основой для существующего в ней социального порядка. Ослабление этой вертикали становилось для России источником "великих потрясений", выход из которых искали, как правило, в ее восстановлении и упрочении. Самовластие и есть главная политическая традиция России, постоянно воспроизводимая на всех этапах ее исторического существования. И кажется, нет здесь такой общественной силы, которая может переломить эту традицию.

Теперь ясно, чем является политический кризис в России, что его вызывает. Он разражается в период не ужесточения, а наоборот, смягчения режима, его либерализации. Самодержавие и власть большевиков рухнули не по причине своей антидемократичности и деспотичности (в своих крайних проявлениях они как раз являли собой образец стабильности и прочности режима), а тогда, когда под давлением внешних и внутренних обстоятельств они шли на определенные политические уступки, пытались в чем-то ограничить себя, расширить рамки политической жизни (как это было в последние годы царствования Николая II и при Горбачеве). Попытки такого рода и кончались гибелью режима, даже распадом государства. На Западе либеральные институты и порядки — норма, у нас — выход за пределы нормы, симптом болезни и упадка: "Что русскому здорово, то немцу смерть". Отнюдь не общим правилом предстают эти порядки и институты в краткие периоды их существования в политической истории России — после Февраля, в периоды нэпа, оттепели и перестройки. Каждый из них сопровождался сознанием кризисности сложившейся ситуаций. Специфическим для России являются не эти периоды, а последующая реакция на них. На Февраль Россия ответила Октябрем, на нэп — сталинской коллективизацией и террором, на хрущевскую оттепель — брежневским застоєм, на горбачевскую перестройку — ельцинским президентством.

Если посчитать такую реакцию нормой для России, то сегодня мы несомненно присутствуем при окончании политического кризиса, вызванного смягчением и либерализацией коммунистического режима в период перестройки, при ее (России), так сказать, политическом выздоровлении. Кому-то такое выздоровление покажется катастрофой, концом всякой надежды на демократизацию и либерализацию России, но для самой России подобный конец всегда означал выход из состояния смуты. Так было после первой смуты, закончившейся воцарением Романовых, так было и после второй, вызванной падением царизма и приведшей к власти большевиков. Сегодня мы вновь возвращаемся к традиционной для нас форме самовластного правления, востребованной вдруг и уставшими от беспредела массами, и политической элитой, и олигархами, и даже той частью интеллигенции, которая еще недавно присягала на верность демократическим ценностям. Уже в который раз Россия, устав от дарованной ей свободы!, ищет покоя и порядка в твердой руке и единоличной власти.

Поворот к самовластию обозначился явственно уже в период ельцинского правления. И дело не только во властном характере первого Президента России, плохо вяжущимся с созданным ему имиджем убежденного демократа и борца с коммунизмом. Если бы Ельцина не было, его бы выдумали. Поднятый на вершину власти волной антикоммунистических настроений, которую многие тогда искренне посчитали народным порывом к свободе, он менее всего являл собой пример демократического политика. Его пребывание у власти, став концом коммунизма, не стало завершением и даже продолжением демократического обновления России. Скорее оно свидетельствовало о том, что Россия не выдержала испытания свободой и демократией, свернув на привычный для нее путь авторитарной власти, названной почему-то "управляемой демократией". Правда состоит в том, что не демократия управляла Б.Ельциным, а он управлял страной, причем как хотел.

Могут возразить: разве при Б.Ельцине не сохранилась свобода печати, право на митинги и демонстрации, на свободный выезд за границу, разве исчезли многопартийность, политическая оппозиция, свободные выборы и многие другие несомненные признаки демократии? Но, во-первых, многие из этих свобод достались ему по наследству от перестроечного периода и их нельзя было ликвидировать без того, чтобы не покончить с видимостью демократического строя в глазах Запада и собственного населения. А во-вторых, названные свободы сами по себе вполне уживаются с авторитарной властью (как это было, например, в последние годы царствования Николая II). Самовластие не обязательно совпадает с контролем власти над всей частной (приватной) сферой жизни, с прямой тиранией, хотя и чревато такой опасностью. Под самовластием мы понимаем монополизацию верховной властью (в нашем случае — президентской)

прежде всего публичной, собственно политической сферы, или просто подмену политики властью. Политика здесь — дело самой власти, но не общества или народа. Можно критиковать власть, высказывать свое недовольство ею, создавать даже оппозиционные партии и движения, но все это остается на уровне частного мнения, никак не влияет на политический и идеологический выбор власти. Политику здесь выбирает власть, а не народ.

Самовластие блокирует политическую инициативу главного политического института демократии — парламента, например его право на формирование правительства или хотя бы на контроль за его деятельностью. Даже парламентское законотворчество ограничено здесь указным правом Президента, позволяющим ему, в частности, выносить отрицательный вердикт по поводу принятых законов. Говорят, Конституция писалась под Ельцина, но и Ельцин здесь всего лишь символ традиции, которая в нашей истории постоянно берет верх. Властная поступь этой традиции дала о себе знать не только в эпизоде неконституционного разгона (и расстрела) Верховного Совета — высшего органа власти в тот период, но и в полупрезрительном отношении Президента, его Администрации, поддерживающих его СМИ к вновь избранной Думе, в тиражировании ее образа как сборища болтунов и бездельников. "Я не люблю Думу", — честно признавался Ельцин. Но когда и кому из властителей России нравился свободно избранный парламент? Парламент представляет народ, каким он является в настоящее время, а власть у нас всегда вещала от лица высшей и только ей доступной истины. И хорошо еще, если от лица истины, а не собственной корысти.

Период власти Б.Ельцина — это эпоха неуклонного возвышения главы государства (должности, в общем-то, чиновничьей) над всеми ветвями власти — исполнительной (правительство), представительной и судебной. Конституция 1993 г., наделившая Президента фактически неограниченными полномочиями, будучи следствием этого процесса, не стала его финалом. Отрешение Думы от формирования правительства, попавшего в полную зависимость от президентской воли, во многом обесмыслило для избирателей борьбу партий за места в Думе. Какая разница, кто победит, если это никак не влияет на состав правительства и его политику? Многопартийность стала пустой формальностью, значимой разве только для руководителей этих партий. Их программные заявления и лозунги для большинства населения — ничего не говорящие слова. Логическим следствием такой многопартийности стало возникновение партии поистине нового типа — "партии власти", созданной не под ту или иную часть общества, а под саму власть. И чем такая партия лучше партии "профессиональных революционеров", ставшей впоследствии партией начальников и номенклатурных руководителей? Не КПРФ, а "партия власти", как бы ее ни называли, наследует сегодня КПСС. Расходясь, возможно, в идеологии, они идентичны по своей политической сути.

Процесс постепенного приручения Кремлем судебных органов власти и Генеральной прокуратуры РФ (посредством кадровых перемещений и перестановок) хорошо всем известен.

Но, скажут, Президент, сосредоточивший в своих руках необъятную власть, является все-таки лицом "всенародно избранным". И это действительно то немногое, что связывало его с демократией, хотя сам по себе факт такого избрания при зависимом от него правительстве, слабом парламенте и послушном суде не страхуют страну от угрозы установления недемократического режима. Но и эта связь оказалась фиктивной после последней "загогулины" Президента, назначившего себе "преемника" и обеспечившего ему практически безальтернативные выборы. Не знаю, кем станет для России В.Путин — благом или злом, но уверен, что главным для него будет укрепление президентской власти, дальнейшее подчинение ей остальных властных структур. В плане идеологическом такая власть станет постоянным лавированием между правыми и левыми, их сталкиванием между собой во имя собственного возвышения и усиления. "Спорьте друг с другом о чем угодно и сколько угодно, но подчиняйтесь!" — таким, как мне кажется, будет ее девиз. Хорошо это или плохо? Для демократии в ее классическом понимании — плохо, для России — обычно и привычно.

Ничего не поделаешь — традиция. Иначе мы жить не умеем. Мечтать о демократии в стране, где практически нет ни одного демократа, — безнадежна. Быть антикоммунистом и поборником рынка — еще не значит быть демократом. Даже для либерализма этого маловато. Наши правые, отождествившие общество с рынком, свободу человека со свободными ценами, гражданина с частым собственником, — плохие демократы. Они и заговорили первыми о желательности твердой руки (разумеется, своей собственной) при переходе к рынку. С твердой рукой, кажется, все в порядке, а вот в экономике пока ничего не светит. О левых и говорить нечего. Общество для них всегда было тождественно сильному государству и централизованной власти.

Между рынком и государством мы, похоже, не видим никакого иного пространства, иной реальности, достойной внимания. Спасение от всевластия государства ищем в рынке, а от стихии рынка — в государстве. Так и мечемся между двумя этими полюсами, не будучи в состоянии удержаться ни в одном из них. В их диапазоне расположены все наши идеологические предпочтения и партийные пристрастия. И почему-то неведомо нам, что рынок и государство могут мирно сосуществовать друг с другом при наличии чего-то третьего, не сводимого полностью ни к тому, ни к другому. Третий у нас всегда лишний. Им-то как раз и является общество — гражданское общество, у которого в нашем сознании (а значит, и в действительности) нет своего места.

О желательности и необходимости гражданского общества сказано и написано много. Только видят в нем не то, чем оно является на самом деле. При коммунистах гражданство был синонимом государ-

ственного подданства, а слово "гражданин" — термином языка, на котором подданный говорил с властью ("гражданин начальник"), а власть — с подданным ("пройдемте, гражданин"). В обращении друг к другу принят был термин "товарищ", что сегодня истолковывается как "товарищ по несчастью". Люди осознавали себя гражданами по отношению к государству (граждане государства), но не друг к другу. В эпоху рыночных реформ гражданство приравнивается к существованию людей в границах лишь частной (приватной) жизни людей, погруженных преимущественно в стихию рыночных отношений, полностью поглощенных своими частными интересами. Слова "поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан" должны прочитываться сегодня как обязанность быть мещанином и частным собственником. Крайность гражданского объединения людей посредством исключительно государственной власти сменилась другой крайностью — их социальным разобщением и полным уходом в частную жизнь. Ни то, ни другое не является гражданским обществом, охватывающим собой прежде всего публичную сферу, причем в той мере, в какой она перестает быть монополией государственной власти. Гражданское общество представляет собой сферу именно общественного взаимодействия людей по поводу их общих целей и интересов. Оно возникает не в силу рыночных законов или по воле власти, а в результате общественной инициативы и самодеятельности разных групп и объединений лично свободных людей, которые только потому и могут называться гражданами. В системе гражданского общества рынок и государство обретают иные формы и способы своего функционирования, чем за его пределами.

Отсюда следует, что переход к рынку и к гражданскому обществу — две разные, не совпадающие друг с другом задачи. К рынку можно перейти и посредством авторитарной власти, к гражданскому обществу — никогда. Смещение этих задач есть, на мой взгляд, причина всех наших промахов и неудач в процессе реформирования общества, заставляющая каждый раз возвращаться к исходному пункту — самовластному типу правления. Какой же должна быть власть, взявшая на себя задачу перехода к гражданскому обществу?

Главным политическим институтом такой власти как раз и является парламент. Только он способен инициировать не просто рыночную, но и общественную, прежде всего политическую активность граждан, позволяет каждой общественной группе не только четко осознать свой интерес, но и согласовать его с интересами других групп. Если рынок дифференцирует и обособляет, то парламент связывает и объединяет. Он не только представляет различные общественные интересы, но и дает возможность избежать их прямого столкновения, чреватого угрозой гражданской войны, способствует достижению между ними определенного консенсуса, не подавляя ни один из них. Парламент нужен не рынку, а именно гражданскому обществу. В Европе гражданский мир и согласие

приходят на смену феодальной междоусобице именно в результате появления парламентской формы власти. С этой точки зрения парламент является важнейшим политическим инструментом создания гражданского общества, если он, конечно, обладает реальной, а не фиктивной властью. Неприязнь к парламенту, принижение его роли в системе власти есть фактически неприятие и непризнание гражданского общества, его прямое отрицание.

Лишь в сочетании с парламентской формой правления рынок становится экономической основой гражданского общества, а не просто конкурентной борьбой частных лиц, озабоченных собственным выживанием. Сам по себе рынок может сочетаться с любой формой власти. На рынке действуют не граждане, а люди, полностью подчиненные власти денежного расчета и выгоды. Не подкрепленная гражданскими добродетелями, такая активность (как это демонстрируют наши "новые русские") легко становится источником криминального бизнеса и теневой экономики. Предоставленный самому себе рынок социально разрушителен, несет в себе элементы дезорганизации и анархии. Недаром говорят о рыночной стихии: противостоять ей при отсутствии гражданского общества может только сильная власть авторитарного типа с мощным бюрократическим аппаратом. Но и она в этих условиях подвержена угрозе коррупции, прямого сращивания с мафиозными структурами. Короче, за пределами гражданского общества с его представительной формой власти рынок становится диким, а власть излишне бюрократизированной и централизованной.

Здесь, как мне кажется, кроется причина нашего сегодняшнего поворота к авторитарному типу правления, к методам "железной руки" и сильной личной власти. И, что самое удивительное, призывы к такому повороту исходят не столько от левых, что было бы естественно, сколько от правых, называющих себя демократами и либералами. Если раньше они видели в государстве чуть ли не главного врага рыночных реформ, то теперь они вдруг заговорили о необходимости сильной государственной власти в лице, естественно, не парламента, а Президента и подотчетного ему правительства. Нет, они не хотят диктатора, они хотят Президента, осуществляющего либеральную рыночную политику, но ради этого готовы наделить его чуть ли не диктаторскими полномочиями. Называется это "либеральным консерватизмом" или "национальным либерализмом", сочетающим в себе либерально-рыночную риторику с риторикой патриотической, государственнической и традиционно сервиллистской по отношению к власти. Возможно, В.Путин и станет проводником этой идеологии.

Переходу к гражданскому обществу правые предпочли всего лишь переход к рынку с опорой на сильную власть. В этом они действительно консерваторы, но не европейские, а русские. Русский консерватизм защищал не демократические ценности, а осно-

вы самодержавной власти в противовес гражданскому обществу. Он всегда стоял за самовластие, а не за самоуправление. В поддержке такой власти правые сегодня сомкнулись с нашими крайними националистами, образовав единый фронт от Проханова и Зюганова до Кириенко и Чубайса, найдя в новом претенденте на президентский пост своего общего избранника. Их главный противник — центристы, умеренные либералы и социалисты, что-то там говорящие о необходимости внесения конституционных поправок, о важности перераспределения властных полномочий в пользу парламента и пр. Блокируя с разных сторон любую попытку ограничения самовластия, они еще раз доказали, что Россия — все еще только государство, но не общество — во всяком случае, не гражданское общество. А раз так, то переход к рынку — дело исключительно власти, а не общества, которого нет, и тем более не народа, у которого спрашивать вообще не принято. Сделав главную ставку не на представительную, а на личную власть Президента, они, при всей своей взаимной антипатии, объединились в неприятии гражданского общества, для перехода к которому требуется нечто такое, что для этой власти смерти подобно — ее самоограничение, отказ от претензии на обладание абсолютной истиной, признание не только на словах, но и на деле принципа разделения властей. Остается надеяться, что подобная логика политического поведения не есть единственно возможная для России логика политического развития.